

ства в стране. На сегодняшний день в России производятся чипы с параметрами 120 нанометров. Большим достижением считаются 90 нанометров. А в мире реализуются программы, позволяющие получать параметры 30 и менее нанометров. Так что все это (можно?) запустить через компьютер и получать постоянную прибыль. Это весьма непросто решаемая проблема профессиональной и вообще материальной культуры.

Почему я это упоминаю? У нас действительно разные взгляды на природу постиндустриального общества. И когда речь идет о нематериальном производстве, то сама постановка темы зачастую является упрощенной моделью. Вспомним высказывания В.Г. Буданова о совпадениях некоторых черт первобытного коммунизма и коммунизма, так сказать, «высокотехнологического». Да, действительно некоторые общие черты имеются. Но есть неизмеримо более существенные различия: наличие высокой технологической основы, снимающей многие и многие обременения, что сдвигает доминанту быта и бытия в другие сферы человеческой практики. Доминанта сдвигается, но не отменяет реалии позднего индустриального общества и не гарантирует социальный транзит, поскольку возникает много сопутствующих (не обязательно «побочных») проблем, упирающихся в конечном счете в качества человеческого естества, ибо именно внутренние интенции человека в подобной исторически уникальной ситуации получают максимальное раскрытие и возможности для воплощения. Это особая и серьезная тема.

Заключительное слово докладчиков

А.В. Бузгалин

На мой взгляд, у нас получился очень интересный и содержательный разговор. Мне много задавали вопросов, меня много критиковали, причем с пониманием того, что критикуется, а это бывает не часто: интеллектуалы предпочитают говорить по-своему и о своем.

Мне, естественно, хотелось бы содержательно ответить, но регламент очень жесткий, поэтому лишь несколько кратких тезисов.

Первое относится к вопросам А.И. Неклессы. Он отметил, что в рамках встречи никто не хотел ставить диагноз, все предлагали прогноз. У меня тоже не было цели поставить диагноз. На эту тему мною написано немало работ: в частности, в книге «Мы пойдем другим путем» (М., 2009) — о России, в учебнике по компаративистике — о том, что происходит в мире. Поэтому я не ставил задачу диагностики. Мне показалось интереснее посмотреть на *возможную прогрессивную тенденцию*.

За неимением времени, я использую аналогию. Есть свалка, на которой появились некие ростки нового — то ли дерева, то ли цветка, — словом, чего-то прекрасного. Я не анализировал свалку, я не анализировал то, как могут затоптать эти ростки. Я даже не анализировал вопрос о том, кто будет эти ростки охранять, поливать и выращивать. Я пытался показать, *что они из себя представляют*. Вот и все.

Второй тезис. Мне было сказано: «Этот проект не имеет никакого отношения к современной России». Категорически не согласен. На мой взгляд, это единственный проект, в рамках которого Россия имеет шансы вырваться из периферийного состояния.

В этой связи по поводу двух последних замечаний, которые здесь прозвучали. Я не путаю национальные проблемы с из-

менением общественного мироустройства. Я утверждаю, что единственный шанс для России выйти из состояния периферийной империйки, имеющей угрозу превращения в периферийную полуколонию, — это *предложить другой мировой проект*. Без этого мы никогда не выйдем из полупериферийного состояния. Точно так же как Российская империя превратилась благодаря новой идее из периферийного и очень противоречивого субъекта в мировой субъект именно благодаря новому — социалистическому — проекту (при всех противоречиях первых попыток его реализации в СССР). Можно по-разному относиться к Советскому Союзу, но это был мировой лидер.

Впрочем, это не более чем аналогия. Но я утверждаю, что моя аналогия правильна. Хотя это только аналогия. Я не буду буквально «параллелить» предлагаемый мною скачок с переходом от феодализма к «постфеодальной» (капиталистической) системе. Это были две формы отчуждения. Переход от капиталистической системы к новой — это снятие вызова социального отчуждения. И потому гораздо более масштабный и сложный проект.

В этой связи ремарка по поводу определения добра и зла. На мой взгляд, они философски определяемы. Зло и добро — это нравственные измерения отчуждения и снятия отчуждения соответственно. И в этом смысле мы можем вполне оперировать этими понятиями.

Принимаю замечание А.И. Неклессы по поводу разного Запада. Это была моя ошибка, когда я сказал «Запад» и не дал комментариев. Надо было сказать «глобальная гегемония корпоративного капитала».

Возвращаясь к проблемам России и того, что у нас снижается креативный потенциал. Г.Г. Малинецкий прав. У нас сейчас ситуация почти катастрофическая. Но я попытался показать, что единственно, где катастрофу можно относительно быстро преодолеть, это креатосфера (образование, наука, искусство, рекреация общества и природы...). В этой связи я хотел бы обратить внимание на то, что тезис о способ-

ности *каждого* к творчеству — это тезис, который развивался в социальной психологии и философии школами Ильенкова, Леонтьева, Выгодского и т. д. Я в данном случае не буду повторять их аргументы. На мой взгляд, садовник, который во дворе многоквартирного дома сделал особенно красивый сад, много креативнее, чем профессор, который догматически преподает то, что ему прикажут.

Несколько слов о замечаниях А.В. Шубина. Первое: этот проект очень утопичен, потому что сейчас доминируют другие тенденции. Я с этим не соглашусь хотя бы потому, что на этот проект нужно смотреть в гораздо более широком историческом контексте. Если бы мы сейчас перенеслись в СССР начала 60-х гг. XX в., окунулись в атмосферу дискуссий между физиками и лириками, то оценка меры реализуемости этого проекта участниками той дискуссии оказалась бы гораздо выше. Я специально предупредил об этом, но на предисловия никто никогда не обращает внимания. Между тем, я специально сказал, что *генезис креатосферы идет сугубо нелинейно*, что сейчас мы находимся в состоянии реверсивного потока (отката), что этот нелинейный прогресс идет по-разному в разных анклавах социального пространства. Поэтому утверждение о нереализуемости данного проекта — это утверждение, справедливое сугубо на данный момент и для данного анклава социального пространства. А вот если бы я вел этот разговор в среде рабочего университета в Каракасе (это вуз, где примерно 500 инженеров, техников и ученых бесплатно преподают для рабочих в свободное время вечером), то они бы оценили его реалистичность по-другому.

Третий тезис, связанный с последними репликами о национальном государстве. Я хотел бы обратить внимание, коллеги, на то, что это часть большой традиционной полемики: единственно ли национальное государство является реальным субъектом истории. На мой взгляд, практической альтернативой на сегодня, как правило, выступают транснациональные корпорации. Вы тут абсолютно правы.

Из этого, правда, не следует вывод, что, во-первых, иного субъекта быть не может в принципе. Он есть и часто заявляет говорить о себе в полный голос — я имею в виду сети новых социальных движений, НПО, левых.

Во-вторых, из этого не следует, что национальное государство всегда прогрессивнее для жителей страны, чем ТНК. Бывают такие формы национально-государственного политического и экономического регулирования, воздействие которых хуже, чем влияние глобализации, ТНК. И хотя в целом я противник транснациональных корпораций, но должен заметить, что бывают такие ситуации, когда возрождение народа (не государства как аппарата и не государства как территории, а граждан с их историко-культурным контекстом, традициями, наследием и перспективами) гораздо лучше развивается в рамках нового мирового проекта, чем в рамках национального государства.

На мой взгляд, быть сегодня идеологом российского промышленного капитала — это в большинстве случаев значит быть идеологом капитализма более отсталого, чем капитализм, предлагаемый транснациональными корпорациями. Если посмотреть по факту, то в среднем качество жизни, заработная плата, социальные услуги на российских предприятиях гораздо хуже, чем на транснациональных предприятиях. И это тоже нужно иметь в виду, когда речь идет о прогрессивности национального государства.

И опять же «однако». Однако можно и должно предлагать иной, более прогрессивный, чем «проект» ТНК, сценарий интернационализации и открытого развития наций и народов.

Последняя ремарка. Коллеги, почему я считал важным предлагать этот проект? Я его предлагаю везде, и я не единственный, кто это делает. Это довольно большое течение, направление. Я, кстати, прошу извинения у Вадима Михайловича Межуева за то, что я неправильно расставил в докладе приоритеты: Вы разрабатывали идеи коммунизма как культуры параллельно с Н.С. Злобиным, а отнюдь не были его учеником...

Итак, существует значимая интеллектуальная тенденция, размышляющая о приоритетном развитии креатосферы, позитивной свободы и социальной справедливости как наиболее прогрессивном тренде будущего. Я позволю себе сравнить эту тенденцию с течением, складывавшимся при рождении индустриального, рыночного, демократического общества. Она существовала примерно с XVI в. (если говорить об Италии, Нидерландах), вплоть до начала XX в. (если говорить о России и т. п.). «Странные» люди, опережавшие время, приходили и говорили, что ручной труд, абсолютизм, сословное неравенство и крепостничество — устарели. Что юридическая свобода, равенство перед законом, свобода слова, республика и механизация — это будущее. И иначе не получится прогресса. И триста лет назад им отвечали: посмотрите на Италию — не получилось. И в Германии не получилось! А там, где это пытались реализовать, посмотрите, к каким уродствам это привело. А эти «странные» люди все равно повторяли и повторяли свое: будущее за рынком и демократией (иные из них повторяют это до сих пор, превратившись в новую эпоху в таких же ретроградов, какими были монархисты триста лет назад).

То, о чем я пытаюсь говорить, продолжая большую традицию, мне кажется не просто утопией. Здесь скрыт гораздо более важный и прогрессивный момент. И если я хотя бы чуть-чуть заражаю интеллектуалов, и они что-то из этого начинают использовать и повторять, я считаю свою миссию выполненной.

Правда, иногда наши Деи воспроизводятся совершенно искаженно. Ваш покорный слуга — я немножко похваляюсь — в компании с Колгановым в 1992 г. опубликовал брошюру, которая была издана в разных вариантах под названием «Экономика для человека: стратегия опережающего развития». С тех пор мы идею опережающего развития повторяем уже 20 лет. Два года назад ее дословно повторил Сергей Глазьев (естественно, в несколько иной интерпретации), и термин пошел гулять. В результате, сейчас эту идею повторяет даже началь-